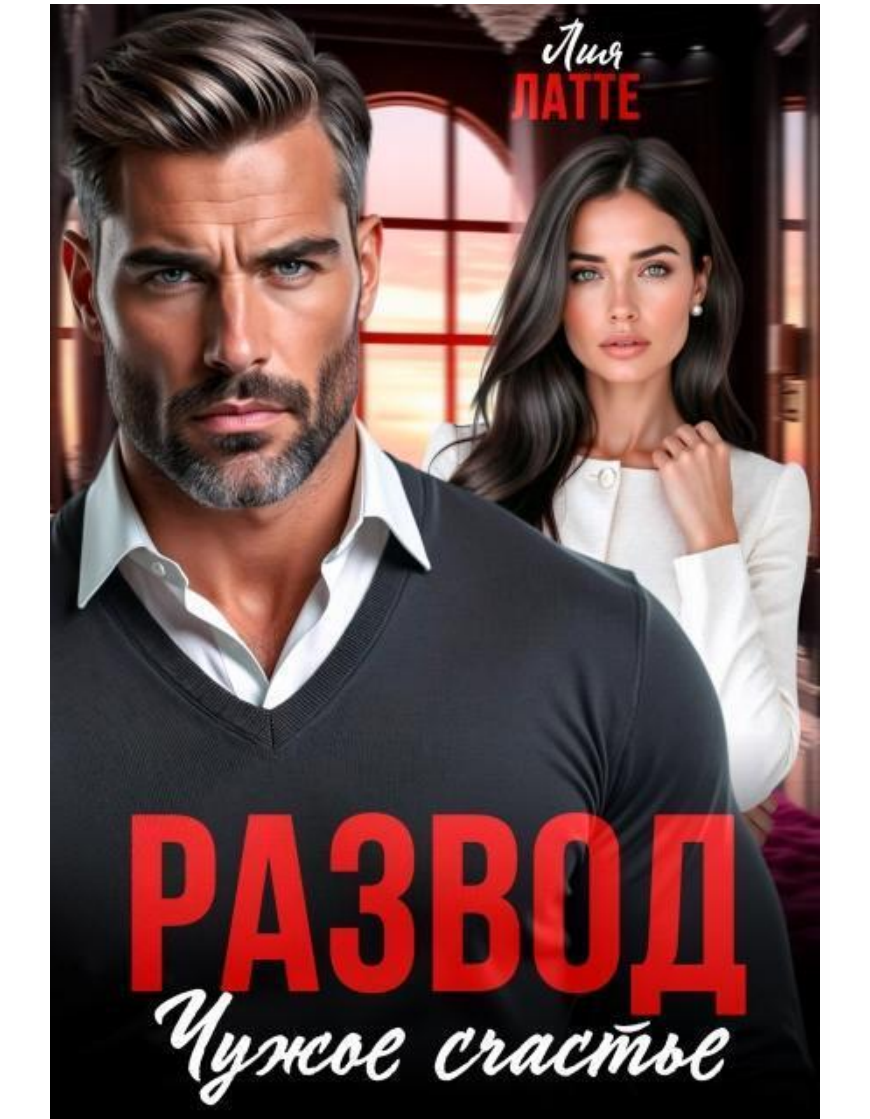

Лия
ЛАТТЕ

РАЗВОД

Чужое счастье

Лия Латте

Развод. Чужое счастье

<https://litres.ru/74206679>

Аннотация

— Ты хоть понимаешь, что теряешь? Наш дом, нашу жизнь, меня!

Его голос в телефоне звенел от возмущения, будто это я была во всем виновата.

— Забавно, — протянула я. — Я тоже вчера думала, что теряю все. А сегодня утром поняла, что терять-то уже нечего. Все, что у нас было, оказалось подделкой. Красивой оберткой, а внутри — пустота и ложь.

— Это не ложь! Я любил тебя!

— Правда? — я рассмеялась, и от этого смеха ему, кажется, стало не по себе. — Тогда скажи, когда ты врал больше: когда говорил, что любишь меня, или когда шептал то же самое ей?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	48
Глава 12	53
Глава 13	58
Глава 14	63
Глава 15	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Идеальный тайминг – это всё.

В моей работе это правило номер один. Вовремя вынести торт, вовремя включить нужный трек, вовремя подсушить жениху платок, пока он не размазал сопли по своему идеальному лицу. Я – Вероника Шилова, и я дирижирую чужим счастьем. И, надо сказать, делаю это виртуозно.

Последние три месяца моя жизнь превратилась в один сплошной проект под названием «Свадьба года». Блогеры-миллионники женятся – это вам не шутки. Это бюджеты, контракты, сотни подрядчиков и ноль права на ошибку.

Я жила на кофе и нервах, засыпала с телефоном в руке и видела во сне схемы рассадки гостей. Мой муж Антон видел меня реже, чем свой бицепс в зеркале спортзала.

— Ты скоро совсем исчезнешь, — сказал он вчера вечером, когда я в очередной раз приползла домой за полночь. Он сидел на кухне, ел куриную грудку прямо из контейнера. — Может, ну его, этот твой стресс?

Я устало улыбнулась и поцеловала его в плечо.

— Еще неделька, потерпи. Зато потом уедем отдыхать. Туда, где нет вай-фая и капризных невест.

Он кивнул, но как-то отстраненно. Не обнял в ответ, как делал обычно. Просто продолжил смотреть в свой телефон. Я списала это на его усталость. На мою усталость. На вселен-

скую усталость.

Но первое семечко сомнения упало в душу именно тогда.

А сегодня утром оно начало прорастать. Я проснулась раньше будильника и потянулась к нему. Антона рядом не было. Я слышала тихие голоса из гостиной. Он с кем-то разговаривал по телефону. Шепотом. Я не придавала бы этому значения, если бы не его тон. Мягкий, интимный, с нотками, которых я не слышала в его голосе, обращенном ко мне, уже очень давно.

Когда я вышла из спальни, он резко оборвал разговор.

— Кто звонил в такую рань? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

— А, да так... Спам какой-то, — он отложил телефон экраном вниз. — Представляешь, кредиты предлагают в семь утра. Совсем совесть потеряли.

И улыбнулся. Своей фирменной, белозубой улыбкой, от которой у пары тысяч его подписчиц делались влажными ладошки. Но я-то знала его не по социальным сетям. Я видела, что уголки его губ чуть напряжены. Он врал.

Зачем врать про спам?

Весь день это «зачем» крутилось у меня в голове, мешая сосредоточиться на цветах, салфетках и форс-мажорах. Я гнала от себя дурные мысли. У него тоже сложный период, много клиентов. Я просто накручиваю себя от усталости.

День свадьбы. Я на площадке с шести утра. Все идет идеально, как по нотам, которые написала я сама. Я – богиня

тайминга. Я – центр этой маленькой вселенной. И мне почти удалось забыть утренний инцидент.

Антон должен был приехать к началу банкета. Просто как гость. Мой красивый, успешный муж, которым я так гордилась.

Я увидела его в толпе гостей. Идеальный костюм, идеальная прическа. Он поймал мой взгляд, улыбнулся и помахал. И я почти успокоилась. Дура, просто дура, напридумывала себе.

А потом он отвернулся и направился к бару. И я увидела ее. Блондинку в салатовом платье подружки невесты. Она подошла к нему, что-то шепнула на ухо, и они вместе рассмеялись. Слишком близко. Слишком интимно для просто знакомых. Мое сердце пропустило удар.

Я заставила себя отвернуться. Работа. У меня работа. Я должна думать о торте, о салюте, о финальной песне.

Но я больше не могла не смотреть. словно магнит, мой взгляд снова и снова находил их в толпе. Вот он поправляет ей локон, упавший на плечо. Вот они вместе смеются над чем-то в его телефоне. И все это – с той самой мягкой, интимной улыбкой, которую я слышала утром в его голосе.

Внутри все похолодело. Это уже не было похоже на паранойю. Это было похоже на правду. Страшную, уродливую правду, которая разворачивалась прямо посреди моего идеального мероприятия.

Я стояла с рацией в руке, отдавала команды, улыбалась го-

стям, а сама чувствовала, как земля уходит из-под ног. Мой идеальный мир, моя идеальная семья, мой идеальный муж – всё это показалось на миг красивой декорацией. И за этой декорацией, кажется, шла совсем другая пьеса.

Глава 2

Остаток вечера я провела на автопилоте. Мое тело было здесь, на площадке, а душа, кажется, осталась там, у бара, замерзнув от холодного ужаса. Я улыбалась, кивала, принимала восторженные комплименты от молодоженов и их родителей.

«Вероника, это было безупречно!», «Вы лучшая!», «Все как в сказке!».

Я – ходячий оксюморон. Дирижер чужого счастья, чей собственный мир только что сгорел дотла.

Я старалась больше не смотреть в их сторону, но это было выше моих сил. Мой взгляд, как предатель, снова и снова выхватывал из толпы два силуэта: высокий, мужественный – моего мужа, и стройный, в ядовито-салатовом платье – ее.

Они больше не стояли рядом. Разошлись по разным углам, будто что-то почувствовав. Но время от времени их глаза встречались, и этой мимолетной, тайной улыбки было достаточно, чтобы внутри у меня все снова обрывалось.

Ближе к финалу они исчезли. Оба. Одновременно.

«Просто совпадение», — пытался убедить меня мозг.

«Они ушли вместе», — выло сердце.

Я доработала до конца. Бенгальские огни, финальный танец, восторженные крики гостей. Я проконтролировала, чтобы последняя пьяная подружка невесты села в такси, и толь-

ко потом позволила себе выдохнуть.

Площадка опустела. Моя команда собирала аппаратуру, а я стояла одна посреди зала, усыпанного конфетти, и чувствовала себя такой же пустой и никому не нужной.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Антона. «Уехал домой. Устал зверски. Ты скоро?»

Устал. Он устал. Я посмотрела на это слово, и меня замутило. От чего он устал? Врать? Скрываться?

Я ничего не ответила. Молча села в машину. Всю дорогу до дома в голове крутилась одна и та же мысль. Я должна была что-то упустить. Какой-то знак, какой-то намек. Не могло же все это начаться сегодня. Люди не начинают изменять за один вечер. Это процесс. Долгий, гнилой процесс. И я, организатор от бога, проморгала самую главную катастрофу в своей жизни.

Или я просто себе всё придумала?

Квартира встретила меня тишиной. Антон спал. Или делал вид, что спит. Он даже не переоделся, просто лежал поверх одеяла в брюках и рубашке. На тумбочке рядом с кроватью лежал его телефон, подключенный к зарядке.

Я тихо разделась, прошла в ванную. Посмотрела на себя в зеркало. Уставшая, с темными кругами под глазами. Взгляд загнанный. Такую жену легко променять на свежую, улыбку блондинку.

Я вернулась в спальню. Он не пошевелился. Я смотрела на его телефон. Светящийся индикатор зарядки казался мне

красным глазом дьявола, который искушал меня.

«Не надо, — говорил разум. — Доверие — это главное».

«Ты идиотка, — шипело сердце. — Какое, к черту, доверие? Бери и смотри!»

Мои руки действовали сами. Я знала его пароль. Мы установили одинаковые в день свадьбы.

«Чтобы не было секретов».

Какая горькая ирония.

Пальцы дрожали, пока я вводила цифры. Экран разблокировался. Я зашла в мессенджер. Список чатов был обычным. Мама, пара друзей, рабочая группа. Ничего подозрительного.

Может, я и правда все надумала? Может, это просто флирт от скуки?

И тут я увидела. В самом низу списка контактов был чат, который он заархивировал. Один-единственный. Абонент был подписан просто буквой «К».

Я открыла его. И перестала дышать.

Это была она. Я узнала ее по фото на аватарке. Кристина. Подружка невесты.

Их переписка длилась три месяца. Три месяца моей жизни, пока я пахала на «Свадьбе года», он жил другой, тайной жизнью. Ласковые прозвища. Планы на выходные, в которые он якобы ездил на «рыбалку с друзьями». Обсуждение меня.

«Моя мышка сегодня опять до ночи на работе. Вся в своих проектах».

«Мышка». Он называл меня «мышкой». Унизительно. Пренебрежительно.

Но последним гвоздем в крышку гроба моего брака была не переписка. Это была фотография. Свежая, сделанная неделю назад.

Они вдвоем. В нашей постели. На моих простынях. Он обнимает ее, она смеется, счастливая и беззаботная.

Я смотрела на это фото, и мир вокруг меня просто рассыпался на миллионы острых осколков. Звук в ушах пропал. Воздуха не хватало. Боль была не душевной. Она была физической. Будто мне в грудь вонзили раскаленный нож и медленно его проворачивали.

В этот самый момент в тишине квартиры раздался какой-то звук.

Это Антон открыл глаза и посмотрел прямо на меня. На меня, стоящую с его телефоном в руках.

Глава 3

Это Антон открыл глаза и посмотрел прямо на меня. На меня, стоящую с его телефоном в руках.

Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой. Секунды растянулись в вечность. В его взгляде сначала мелькнула сонная безмятежность, потом недоумение, и, наконец, — паника. Та самая паника загнанного в угол животного, которое понимает, что попало.

Он медленно сел на кровати.

— Ника? Что ты делаешь?

Голос был хриплым, но спокойным. Слишком спокойным. Он все еще надеялся выкрутиться.

Я не ответила. Просто развернула экран телефона и протянула ему, чтобы он мог видеть фотографию. Его счастливое лицо рядом с ее смеющимся. В нашей постели.

Он вздрогнул, будто его ударили. Краска отхлынула от его лица.

— Это... это фотошоп, — выдавил он. Первое, что пришло в голову.

Глупое, жалкое вранье.

Я усмехнулась. Впервые за последние несколько часов. Усмешка получилась уродливой, безрадостной.

— Фотошоп? Серьезно, Антон? А переписка за три месяца — это тоже работа дизайнера? Твои планы на «рыбалку»?

Твои нежные сообщения «Кристиночке»? И, мое любимое, — я сделала паузу, наслаждаясь тем, как его лицо превращается в серую маску. — То, как ты называл меня за спиной. «Мышка».

Я опустила телефон.

— У тебя пять минут, чтобы собрать вещи и убраться из моей квартиры.

Он вскочил с кровати.

— Ника, постой! Давай поговорим! Ты все не так поняла!

— Что я не так поняла? — мой голос был тихим, но в нем звенела сталь. — То, что пока я впахивала, чтобы мы могли поехать в отпуск, ты развлекался с другой в нашей постели? Или то, что ты врал мне в лицо каждое утро? Уточни, Антон. Я, видимо, совсем отупела от работы, раз не вижу здесь других трактовок.

— Это ничего не значит! — он сделал шаг ко мне, протягивая руки. — Это была ошибка, глупость! Я люблю только тебя, ты же знаешь!

«Я люблю только тебя». Та же фраза, что и в сообщении. Шаблон. Заготовка. У меня возникло ощущение, что я смотрю очень плохой сериал.

— Не подходи ко мне, — отрезала я, и он замер. — Ты произносишь слово «люблю», но даже не знаешь его значения. Ты любишь комфорт. Ты любишь, когда о тебе заботятся. Ты любишь, когда твои проблемы решают за тебя. А меня ты не любишь. Потому что любимым не лгут. Любимых

не предадут.

Я прошла к шкафу, распахнула его, вытащила его спортивную сумку и швырнула ему на кровать.

— Четыре минуты.

Он смотрел на меня, и в его глазах я увидела не раскаяние. Я увидела злость. Злость на то, что его поймали. На то, что его идеальная жизнь рушится.

— И куда я пойду посреди ночи? — спросил он, уже другим, жестким тоном.

— Можешь поехать к Кристине. Уверен, она будет рада. Или к маме. Или на вокзал. Антон, мне все равно. Просто исчезни из моего дома.

Он начал судорожно вытаскивать свои вещи из шкафа, сгребая футболки и джинсы, комкая их и запихивая в сумку. Я просто стояла и смотрела. Как семь лет нашей жизни упаковываются в один баул.

Вот свитер, который я подарила ему на прошлый Новый год.

Вот рубашка, в которой он был на нашей свадьбе.

Каждый предмет был осколком прошлого. И каждый осколок резал без крови.

Когда он застегнул сумку, то остановился у двери.

— Ты еще пожалеешь об этом, Ника, — бросил он через плечо. — Ты рушишь все из-за одной глупости.

— Уходи, — повторила я, чувствуя, как внутри меня все окончательно замерзает.

И он ушел. Дверь за ним захлопнулась, и щелчок замка прозвучал в тишине оглушительно громко.

Я стояла посреди спальни еще минуту. Две. Пять. А потом мои ноги подкосились. Я сползла по стене на пол. Идеальный контроль, идеальная выдержка, идеальная броня – все это рассыпалось в пыль.

Меня накрыло. Не злостью, не обидой. А всепоглощающей, черной, липкой болью. Я зарыдала. Беззвучно, давясь слезами, которые, казалось, шли не из глаз, а откуда-то из самого сердца. Я свернулась на полу калачиком, обхватив себя руками, и плакала так, как не плакала никогда в жизни. Плакала по своему разрушенному миру, по своему растоптанному доверию, по той наивной девочке, которая верила в «долго и счастливо».

Сколько я так просидела, я не знаю. Но когда слезы закончились, внутри осталась только выжженная пустыня. Я встала на ватных ногах, подошла к кровати. Сдернула с нее покрывало, простыни, наволочки. Все, к чему они прикасались. Сгрестила все это в охапку, отнесла в прихожую и вышвырнула на лестничную клетку.

Потом я вернулась в комнату и села на голый матрас. Тишина. Она больше не давила, она звенела в ушах, заполняя собой все пространство, которое раньше было нашим домом. Теперь это было просто помещение. Четыре стены, в которых мне было холодно и мерзко.

Я обхватила колени руками. Тело все еще была мелкая

дрожь. Хотелось в душ. Хотелось содрать с себя кожу, чтобы избавиться от ощущения грязи, которое, казалось, въелось в каждую пору. Их фотография в нашей постели стояла перед глазами, отпечатавшись на сетчатке, как от вспышки фотоаппарата.

Не было ни планов, ни мыслей о мести. Мозг, обычно такой ясный и собранный, превратился в вязкий, мутный кисель из боли и обрывков воспоминаний. Вот мы здесь смеемся, выбирая цвет стен. Вот он носит меня на руках через порог этой самой комнаты. Вот мы лежим на этой кровати и строим планы на будущее.

Каждый уголок квартиры кричал о нем, о нас. О том, чего больше никогда не будет.

Я встала и, как лунатик, побрела в гостиную. Спать в этой комнате было невозможно. Я взяла с кресла плед, улеглась на диван и свернулась в клубок. Квартира казалась огромной, гулкой и чужой.

Слез больше не было. На их месте образовалась ледяная, звенящая пустота. Я лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту, пока за окном не начал пробиваться серый, безрадостный рассвет. Я не знала, что буду делать. Я не знала, как жить дальше. Я знала только одно: моя прежняя жизнь закончилась этой ночью.

Глава 4

Я не спала. Я пролежала на диване до утра, глядя в потолок и слушая, как в тишине гудит холодильник. Когда за окном стало совсем светло, я встала. Тело было деревянным, будто чужим. Каждый шаг отдавался глухой болью где-то в груди.

Первым делом я пошла в душ. Включила горячую воду и стояла под обжигающими струями, пока кожа не покраснела. Мне хотелось смыть с себя все: его прикосновения, его запах, его ложь. Но ощущение грязи не проходило. Оно было не на коже, а под ней.

Кофе, который я сварила на автомате, был горьким и безвкусным. Я сидела за столом на нашей кухне и смотрела на два стула. На его стул.

Вчера утром он сидел здесь и врал мне про спам. А я поверила. Или сделала вид, что поверила, потому что правда была слишком страшной.

Квартира, которую я так любила, превратилась во враждебную территорию. Каждый предмет стал триггером, напоминанием.

Вот его кружка. Вот плед, которым мы укрывались, когда смотрели кино. Вот дурацкий магнит на холодильнике, который он привез из командировки.

Я встала, собрала в мусорный пакет все, что было «его»

на видных местах. Кружку, зубную щетку, забытую в прихожей толстовку. Магнитик с холодильника я сорвала с такой силой, что сломала ноготь.

В девять утра зазвонил рабочий телефон. Я вздрогнула. На экране высветилось имя моей помощницы: «Лиза».

Я несколько секунд смотрела на экран, собираясь с силами, а потом ответила, стараясь, чтобы голос звучал как обычно.

— Да, Лиз.

— Ника, доброе утро! Прости, что так рано. Тут по «Свадьбе года» вопрос. Флористы не тот счет прислали, сумма больше, чем в смете...

Я слушала ее щебетание, а в голове была только одна мысль: она знала. Лиза была на свадьбе, видела их. Может, она знала и раньше. Может, все знали, кроме меня.

— Вероника? Ты меня слышишь?

— Слышу, — я встряхнула головой, отгоняя липкие мысли. — Перешли мне счет на почту. Я сама с ними поговорю. И скинь мне контакты той блондинки... как ее... подружки невесты. Кристины. Скажи, что я хочу отправить ей персональную благодарность от агентства.

На том конце провода повисла пауза.

— Хорошо... — неуверенно протянула Лиза. — Все в порядке? У тебя голос какой-то странный.

— Все в порядке, — отрезала я. — Просто не выпалась. Жду письмо.

Я отключилась и отложила телефон. Маска «идеального организатора» дала трещину, но выдержала. Я заставила себя открыть ноутбук, чтобы разобраться с рабочими делами. Нужно было чем-то занять мозг, иначе он просто взорвется от боли.

Именно в этот момент на мой личный телефон пришло сообщение. От Антона.

«Ника, я знаю, ты злишься. Но не делай глупостей. Давай встретимся и все обсудим как взрослые люди. Мы же не чужие друг другу».

Я смотрела на эти слова, и ледяная пустота внутри начала сменяться чем-то другим. Холодной, колючей яростью.

Взрослые люди? Не чужие? После того, как он превратил семь лет моей жизни в ложь, он предлагает мне поговорить, как «взрослые люди»?

Я поняла, что он не раскаивается. Он боится.

Боится скандала, боится потерять свой идеальный имидж, свою комфортную жизнь. Мои чувства его не волновали. Его волновали только последствия для него самого.

И эта мысль стала для меня точкой опоры. Хватит плакать. Хватит жалеть себя. Пора действовать.

Глава 5

Нужно было действовать.

Я открыла ноутбук. Больше никаких слез и рефлексии. Хватит. Боль никуда не денется, но можно либо утонуть в ней, либо превратить ее в топливо.

Я не знала имен. Поэтому вбила в поисковик простой и понятный запрос:

«Лучшее адвокатское бюро по разводам».

Первая же ссылка вела на сайт фирмы «Крылов и партнеры». Название было на слуху – пара моих богатых клиенток как-то вскользь упоминали его в разговорах.

Сайт был таким, каким и должен быть у лучших: строгий, дорогой, минималистичный. Никаких улыбающихся лиц и обещаний «помочь в трудную минуту». Только факты, цифры и ощущение неприступной крепости.

Это было то, что нужно.

Я не стала звонить. Записаться на прием означало ждать. А я ждать не могла.

Через час я уже стояла перед зеркалом. Черный брючный костюм, идеально уложенные волосы, минимум косметики, только ярко-красная помада, как боевая раскраска. Моя броня.

В отражении на меня смотрела незнакомая женщина с холодными, злыми глазами. Она мне нравилась. Она была го-

това ко всему.

Офис «Крылов и партнеры» занимал последний этаж в одной из стеклянных башен в центре города. Панорамные окна, отполированный до зеркального блеска мраморный пол, абсолютная тишина, которую нарушал лишь тихий стук моих каблуков. Все здесь кричало о деньгах, власти и недоступности.

Девушка за стойкой ресепшен, похожая на модель с обложки, окинула меня оценивающим взглядом.

— У вас назначено? — спросила она тоном, не оставляющим сомнений, что если нет, то разговор окончен.

— Нет, — спокойно ответила я. — Но мой вопрос не терпит отлагательств. Мне нужен лучший.

Девушка удивленно приподняла свою идеальную бровь, на ее лице промелькнуло легкое раздражение. Она явно привыкла к тому, что здесь все играют по правилам.

— У нас все лучшие.

— Я не сомневаюсь, — я слегка улыбнулась. — Но мне нужен тот, кто берется за самые громкие и грязные дела. Тот, кто не боится скандалов и умеет превращать их в свою пользу.

Девушка уже открыла рот, чтобы вежливо отказать мне, как вдруг за ее спиной раздался низкий, с легкой хрипотцой голос:

— Самые громкие и грязные? Полагаю, это ко мне.

Я подняла взгляд. Из-за угла вышел мужчина. Высокий,

в идеально скроенном темно-сером костюме. Темные волосы, пронзительный, почти черный взгляд и легкая усмешка в углу губ.

Он не шел, он нес себя, как хищник, который точно знает, что он на вершине пищевой цепи. Он остановился напротив меня, смерив меня медленным, почти оскорбительным взглядом с головы до ног.

В его глазах читался цинизм и какая-то вселенская усталость от человеческих драм.

— Андрей Крылов. Хозяин этой фирмы, — представился он, хотя это было излишне. Аура власти вокруг него говорила сама за себя. — У вас пять минут, чтобы меня заинтересовать. Мой кабинет.

Он развернулся и пошел по коридору, не сомневаясь, что я последую за ним.

Его кабинет был продолжением его самого. Огромный, минималистичный, с панорамным окном во всю стену, из которого открывался вид на город. Ничего лишнего. Только огромный стол из темного дерева, два кресла и ощущение полного контроля и порядка.

— Итак? — он сел в свое кресло и сцепил пальцы в замок, глядя на меня в упор. — Я слушаю.

— Мой муж – фитнес-блогер Антонио Шилов. Вчера я узнала, что он мне изменял. Я хочу развестись.

Крылов даже не моргнул. В его глазах промелькнула тень откровенного разочарования.

— Стандартный случай адюльтера. Скучно, — протянул он. — Зачем вы отнимаете мое время, госпожа...

— Шилова, — подсказала я, чувствую, как внутри все сжимается от злости. — И это не стандартный случай. Его репутация построена на образе идеального семьянина. Репутация, которую, к слову, создала я. Я хочу не просто развод. Я хочу забрать у него все, что он получил благодаря этому образу.

Крылов лениво откинулся в кресле.

— Месть, эмоции... Все это мешает делу. Вы сейчас — слабая сторона, потому что вами движет обида, а не расчет. А я не работаю со слабыми. Это неинтересно и бесперспективно.

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я не буду вести ваше дело, госпожа Шилова. Слишком просто и предсказуемо. Но я могу порекомендовать вам одного из наших стажеров. Очень способный мальчик. Для него это будет отличная практика.

Он указал на дверь.

Я сидела в кресле, глядя на него, и чувствовала, как кровь приливает к лицу. Он не просто отказал. Он унизил меня. Списал со счетов. Приравнял мою боль, мою трагедию, мою разрушенную жизнь к задачке для студента.

Унижение было почти физическим, оно горело на щеках, заставляя сжимать кулаки.

И в этот момент я поняла, что мне нужен именно он. И никто другой.

Глава 6

Я сидела в кресле, глядя на него, и чувствовала, как кровь приливает к лицу.

Я должна была встать и уйти с гордо поднятой головой. Сохранить остатки достоинства и найти другого адвоката, который не будет смотреть на меня как на надоедливую муху.

Любой нормальный человек так бы и поступил.

Но я не была просто обиженной женщиной. Вся моя работа – это один сплошной кризис-менеджмент в миниатюре, просто в обертке из цветов и свадебных тортов. Каждое мероприятие – это потенциальная катастрофа, которую я предотвращаю.

И сейчас я смотрела не на хама-адвоката. Я смотрела на свой единственный шанс.

Я медленно, очень медленно выдохнула, заставляю плечи расслабиться. Поднялась с кресла, но не пошла к двери. Я сделала два шага к его столу, оперевшись костяшками пальцев на холодное, отполированное дерево. Мне нужно было почувствовать опору.

— Вы ошибаетесь, господин Крылов, — мой голос звучал ровно и холодно, в нем не осталось и тени утренней боли. Включился мой рабочий режим. — Вы смотрите на это дело как на банальную семейную ссору. А я смотрю на него как на сорванный проект с огромными репутационными убытками.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Он продолжал смотреть на меня с тем же скучающим превосходством, лениво постукивая по столу дорогой ручкой. Этот звук отдавался у меня в висках.

— Имидж «Антонио Шилова» — это не просто фитнес-блогер, — продолжала я, игнорируя его холодность и этот мерный стук. — Это рекламные контракты на огромные суммы с брендами, которые вкладывают миллионы в семейные ценности. Это образ идеального мужа, который годами продавался тысячам подписчиков. И этот образ, по сути, моя работа. Фотография мужа, изменяющего жене, — это не просто личная драма. Это форс-мажор, который является прямым нарушением условий нескольких крупных контрактов. Это репутационный ущерб, который можно очень точно посчитать в деньгах.

Я выпрямилась, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией, но воздух в его кабинете, казалось, принадлежал только ему.

— Так что это не дело о женской мести. Это дело о грамотном управлении последствиями. Я пришла к вам не плакать. Я обеспечиваю факты, вы — юридический результат. Я пришла предложить вам взаимовыгодное сотрудничество, по сути...

— Партнерство? — он лениво закончил за меня и впервые усмехнулся. Усмешка была холодной и злой. — Госпожа Шилова, вы и правда думаете, что вы первая, кто прихо-

дит ко мне с такой «гениальной» идеей? Каждая вторая брошенная жена считает своего мужа «брендом», а свою месть – «враждебным поглощением».

Он встал, и я невольно сделала шаг назад. Он был высоким, и его идеальный костюм сидел как влитой, подчеркивая атлетическую фигуру.

Он подошел к панорамному окну, повернувшись ко мне спиной и давая мне возможность полюбоваться видом на город с высоты птичьего полета.

Идеальный жест доминирования.

— Все это лирика. Эмоции, завернутые в деловую терминологию. А по факту – вы просто хотите сделать ему больнее. Это понятно, это по-человечески. Но это все еще скучно. Вы предсказуемы.

Он обернулся, и его взгляд был окончательным приговором.

— Мой ответ – нет. Я не трачу свое время на семейные дразги, даже если они приправлены соусом из пиара. Найдите другого адвоката. Или возьмите того стажера, которого я предложил. Уверен, он будет в восторге от вашего «кейса». А теперь, если позволите, у меня действительно важные дела.

Не дожидаясь моего ответа, он просто развернулся и вышел из кабинета через другую, неприметную дверь в стене, которая сливалась с деревянными панелями. Щелкнул замок. Он оставил меня одну посреди этого огромного, холодного пространства.

Я стояла как громом пораженная. Он просто ушел. Выслушал и выкинул меня из своего мира, как надоевшую игрушку. Обида захлестнула с новой силой. Да кто он такой? Хозяин жизни, который сидит в своей стеклянной башне и решает, чья боль достойна его внимания? Как он смеет судить меня, не зная и сотой доли того, что я пережила?

Я вылетела из его офиса, не чувствуя под ногами пола, проигнорировав удивленный взгляд его секретарши. Унижение смешалось с яростью, создавая взрывоопасный коктейль.

Весь оставшийся день я провела в тумане. Я пыталась работать, но строчки в документах расплывались перед глазами. В голове, как заевшая пластинка, звучал его холодный, насмешливый голос:

«Скучно... предсказуемо...».

Он не просто отказал мне в помощи, он отказал мне в праве на уникальность моей боли. Он поставил меня в один ряд с тысячами других, лишив индивидуальности.

Вечером я вернулась в свою пустую, холодную квартиру. Усталость навалилась всем весом. Я чувствовала себя абсолютно разбитой и опустошенной. Битва проиграна, даже не начавшись.

Сначала муж, теперь этот Крылов. Казалось, весь мир сговорился, чтобы показать мне мое место.

Я без сил опустилась на диван, когда в дверь позвонили. Настойчиво, требовательно. Я не хотела никого видеть, но

звонок не прекращался, действуя на и без того истерзанные нервы. Раздраженно рыкнув, я пошла к двери и посмотрела в глазок.

На пороге стоял Антон. В его руках был огромный, просто неприличных размеров букет моих любимых белых пионов. Цветы, которые он дарил мне на каждое примирение после наших редких ссор.

На лице было написано такое раскаяние, такая вселенская скорбь, что на секунду, всего на одну предательскую секунду, мне даже стало его жаль.

— Ника, открой, пожалуйста, — донесся его приглушенный голос сквозь толщу двери. — Прошу, дай мне всего пять минут. Я все исправлю, обещаю.

Глава 7

Я смотрела в глазок на букет, который почти полностью скрывал его лицо. Белые пионы. Огромные, тугие бутоны, похожие на сжатые кулаки в нежно-розовых перчатках. Наши «мирные» цветы. Кодовое слово нашего примирения.

Сколько раз он приносил мне их после какой-нибудь глупой ссоры?

Один букет – и я таяла, забывая все обиды, потому что он помнил. Помнил, какие я люблю. Он знал, на какую кнопку давить. Это был его джокер, его безотказное оружие, отключающее мой мозг и включающее сентиментальную дурочку.

И сейчас, стоя за дверью, разбитая и униженная дважды за последние сутки, я чувствовала, как этот старый, въевшийся в подкорку рефлекс пытается сработать.

Часть меня, уставшая, измученная, отчаянно хотела просто открыть дверь, уткнуться лицом в эти прохладные, пахнущие весной цветы и позволить ему все исправить.

Просто чтобы боль закончилась. Чтобы вернуться в привычный, понятный мир, где я была любимой и единственной женой..

Но открыть сейчас дверь Антону, поддаться на уловку с цветами – значило бы добровольно расписаться под своей никчемностью. Сдаться.

Признать, что я и есть та самая слабая, предсказуемая

женщина, которую с такой легкостью просчитал этот дурацкий адвокат.

И, несмотря на это понимание, я медленно, почти беззвучно повернула ключ в замке. Дверь открылась.

Антон шагнул вперед, протягивая мне цветы. Его глаза были красными, на щеках — легкая, мужественная щетина, на лице — вселенская скорбь и сожаление.

Он выглядел так, будто не спал всю ночь, страдал и мучился угрызениями совести. Идеальный образ раскаявшегося грешника.

— Ника... — начал он сдавленным шепотом, полным трагизма.

— Не надо, — прервала я его, забирая из его рук букет. Цветы были тяжелыми и холодными от вечернего воздуха. Их аромат ударил в нос, и к горлу подступила тошнота. — Не говори ничего.

Он растерялся. Я видела это по тому, как дрогнули его губы. Он готовился к крикам, слезам, обвинениям. К чему угодно, но не к этому ледяному, вымороженному безразличию.

Я впустила его в прихожую. Он с робкой надеждой посмотрел на меня, заглядывая мне в глаза.

— Я принес твои любимые цветы, — сказал он, будто это было величайшим подвигом и искупало все грехи.

— Я вижу, — я кивнула. — Спасибо.

Я прошла на кухню, поставила букет в первую попавшуюся

юся вазу. Сил на то, чтобы его выбрасывать, просто не было. Я чувствовала себя выжатой до последней капли, пустым сосудом, в котором гулял сквозняк. Я оперлась на столешницу, чувствуя, как гудят ноги и дрожат колени.

Он пошел за мной, как тень, осторожно ступая по паркету.

— Ника, я был полным идиотом, — начал он свой заученный, отшлифованный монолог. — Я не знаю, что на меня нашло. Это была самая большая ошибка в моей жизни. Она ничего для меня не значит, слышишь? Ничего! Я люблю только тебя. Всегда любил. Помнишь, как мы обещали друг другу на той самой крыше в Питере? Всегда вместе. Не выбрасывай наши семь лет из-за одной моей глупости!

Я слушала его и молчала. У меня не было сил спорить, что-то доказывать. Унижение в кабинете Крылова, помноженное на его предательство, высосало из меня всю энергию. Я просто стояла, поникшая, опустив плечи, и смотрела в одну точку на стене, где отлетела крошечная частичка краски.

Антон, видя мою пассивность, неправильно ее истолковал. Он принял мою апатию за знак того, что лед тронулся, что я готова сдаться. Он подошел ближе, его голос стал вкрадчивым и нежным, тем самым голосом, которым он уговаривал меня, когда хотел чего-то добиться.

— Мы все исправим, слышишь? Я все исправлю. Обещаю тебе, милая. Все будет как раньше, даже лучше...

Он осторожно положил руки мне на плечи, начал мягко их поглаживать. Я не сопротивлялась. Я была слишком устав-

шей, чтобы сопротивляться. Он развернул меня к себе и прижал к своей груди.

Его тело было таким знакомым, таким до боли родным. Я уткнулась лбом в его плечо, вдыхая знакомый запах его парфюма, смешанный с запахом улицы, и на секунду мне показалось, что ничего не было. Что все это – просто дурной, страшный сон.

— Моя девочка... моя малышка... — прошептал он мне в волосы.

Слово «малышка» резануло по ушам, как скальпель по живой ткани, но даже на это сил отреагировать не было. Он приподнял мой подбородок, заставил посмотреть на него. Его лицо было совсем близко, глаза – влажные и умоляющие.

— Я люблю тебя, — прошептал он и наклонился, чтобы поцеловать.

Глава 8

И я поддалась. Я закрыла глаза, готовая утонуть в этом привычном, теплом омуте, лишь бы не чувствовать этой раздирающей боли. Его губы почти коснулись моих...

И в этот момент, как вспышка молнии в темной комнате, перед глазами встала та самая картинка. Он и она. В нашей постели. Ее смеющееся, до неприличия счастливое лицо. Его рука на ее голом плече. Та самая рука, которая сейчас так нежно гладила меня по щеке.

Это была не единоразовая ошибка, не порыв пьяной страсти. Это была система. Продуманная, циничная двойная жизнь, которую он вел на протяжении нескольких месяцев, каждый день глядя мне в глаза...

Меня будто током ударило. Омерзение, злость и боль смешались в один обжигающий коктейль, который ударил в голову. Я резко оттолкнула его от себя с такой силой, что он отшатнулся на пару шагов.

— Не трогай меня! — прошипела я, вытирая губы тыльной стороной ладони, будто он уже успел их коснуться и оставить на них свою грязь.

Он смотрел на меня, ошарашенный такой резкой переменой.

— Ника, что такое? Все же было хорошо...

— Ничего не было хорошо! — закричала я, и мой голос

сорвался, превратившись в хриплый визг. — Ты думал, я сейчас растаю и все прощу? Думал, я настолько сломлена, что забуду, как ты меня унизил? Как ты валялся с ней в нашей кровати?!

Маска раскаяния сползла с его лица, уступив место раздражению и холодному гневу.

— Я пытаюсь все наладить! Я унижаюсь тут перед тобой! Принес цветы, извиняюсь! Что тебе еще нужно?!

— Это не унижение, Антон. Это попытка вернуть себе комфорт! — я сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться, вернуть контроль. — Уходи.

— Я никуда не пойду! — огрызнулся он. — Это и моя квартира тоже! Мы вместе на нее зарабатывали!

Он был прав. Юридически он был абсолютно прав. И это осознание было еще одним ударом.

— Я знаю, — мой голос снова стал тихим, но теперь в нем не было апатии. В нем был лед. — И я не выгоняю тебя. Я прошу. Уйди, Антон. Хотя бы сейчас, в самом конце, поступи как мужчина. Дай мне время. Просто уйди.

Он смотрел на меня несколько секунд, и в его взгляде я увидела борьбу. Он понял, что привычные методы не сработали, а давить дальше — значит окончательно все разрушить и, возможно, потерять гораздо больше, чем просто мое прощение.

Он молча развернулся и вышел, с такой силой хлопнув дверью, что стены содрогнулись, а в серванте жалобно звяк-

нула посуда.

Я осталась одна. Руки дрожали. Сердце бешено колотилось после адреналинового всплеска. Я чуть не поддалась. Чуть не стала той самой предсказуемой, слабой женщиной.

Я подошла к вазе, вытащила букет и, не раздумывая, выкинула его в мусорное ведро.

А потом обвела взглядом кухню. Нашу кухню.

Гарнитур, который мы выбирали вместе, споря до хрипоты из-за цвета фасадов – я хотела графитовый, он настоял на белом глянце, потому что «так светлее и позитивнее». Я уступила.

Стол, за которым мы ужинали и смеялись, обсуждая прошедший день.

Я прошла в гостиную.

Диван, который нам доставляли два месяца и который мы затаскивали на этаж вдвоем, потому что он не вошел в лифт; мы тогда хохотали до слез, сидя на нем прямо в подъезде.

Стеллаж с нашими общими книгами, дурацкими сувенирами из отпусков и фотографиями в рамках. Вот мы в Питере, на той самой крыше. Вот мы в горах, замерзшие, но счастливые.

Каждая вещь в этом доме была частью общего пазла, который теперь разлетелся на куски.

Его слова стучали в висках: «Это и моя квартира тоже!»

Он прав. Это все – наше. Общее. Совместножитое. И делить это придется не эмоционально, а юридически. Метр

за метром, ложка за ложкой. Я представила себе эти унижительные процедуры, оценщиков, споры из-за каждой мелочи.

Как делить ипотеку, которая оформлена на нас обоих, но большую часть платежей по которой вносила я, потому что у него «были временные трудности»?

Машину, которая записана на него, но куплена на общие деньги? Что делать с этим диваном? Распилить его пополам?

Меня накрыла волна отчаяния и бессилия. Одно дело – выставить его за дверь на эмоциях. И совсем другое – начать эту нудную, грязную, унижительную войну за имущество. Войну, в которой я ничего не понимаю.

Я села на диван, обхватив себя руками. Боль никуда не делась, но к ней прибавился холодный, липкий страх. Страх перед будущим, перед неизвестностью, перед этой бюрократической машиной, которая перемелет остатки моей жизни в пыль.

И в этой тишине я поняла одну простую вещь. Я не справлюсь одна. Мне однозначно нужен юрист.

Иронично, но тот противный, самодовольный тип из «Крылов и партнеры» был бы, наверное, лучшим вариантом. Он бы точно не дал Антону ни единого шанса.

Но он ясно дал понять, что мое «скучное» дело его не интересует. Значит, придется выбирать из более доступных и сговорчивых. Тех, кто не будет смотреть на меня как на пустое место.

Хотя, конечно, было бы до смерти интересно узнать, какие

дела этот неприятный человек считает «интересными».

Глава 9

 Андрей Крылов

Я смотрел, как за ней закрывается дверь. Вероника Шишова. Еще несколько секунд в воздухе висел едва уловимый аромат ее духов – что-то свежее, с легкой горчинкой. Раздражающе знакомое, как мелодия, которую не можешь вспомнить, но которая преследует тебя весь день.

Я откинулся в кресле и потерял виски. Пятница. Конец недели, а поток ходячих драм не иссякает. Каждый день мой кабинет превращается в театр одного актера, где меняются только лица, а пьеса остается прежней: ложь, предательство и жажда мести, замаскированная под поиск справедливости.

Она была не первой и, увы, не последней. Я видел их сотни. С одинаковыми историями, одинаковыми слезами. Явными или скрытыми, как у этой. И одинаковой наивной верой в то, что юридическая машина может перемолоть их боль в сладкую месть.

Да, она держалась лучше большинства. Не плакала. Пыталась говорить на языке бизнеса, апеллировать к логике.

«Партнерство», «проект»...

Забавная попытка натянуть маску деловой женщины на банальную историю о разбитом сердце. Но стоило мне чуть надавить, как маска треснула, и я увидел под ней все то же самое: растерянность, боль и отчаянное желание наказать

обидчика.

Я видел, как она сжимает кулаки под столом, когда говорила о муже. Видел, как на долю секунды в ее глазах мелькнул первобытный ужас, когда я упомянул о «слабой стороне».

Предсказуемо.

Дверь в кабинет тихо приоткрылась, и вошла моя секретарша Марина с чашкой кофе.

— Ваш эспрессо, Андрей Николаевич, — она поставила чашку на стол. — Выглядит она, конечно, неважно. Очень расстроена. Уходя, чуть в стену не врезалась, такая потерянная была.

Я взял чашку, вдохнул горький аромат.

— Марина, — произнес я устало, — они все расстроены. Отправь ее к Синицыну. Он любит такие душещипательные истории. Его хлебом не корми, дай послушать про разбитые сердца.

Марина кивнула и бесшумно вышла.

Я повернулся к панорамному окну. Город жил своей жизнью, раскинувшись подо мной, как сложная, запутанная схема. Моя работа — не терапия. Я решаю сложные корпоративные и финансовые споры, а не лечу душевные раны. Моя стихия — это цифры, контракты, активы. Там все чисто и понятно. А ее случай...

Я поморщился.

Десять лет назад, в самом начале своей карьеры, я взялся

за одно такое «простое» дело. Развод моего лучшего друга, Олега.

Я был молод, самонадеян и хотел помочь. Я видел его боль, я видел, как его жена, в которую он был по уши влюблен, уходит к другому, забирая не только половину имущества, но и его самого, по кускам.

Я с головой ушел в это дело. Я выиграл для него все, что мог: квартиру, машину, даже опеку над собакой. Я раздавил ее в суде, используя каждую юридическую лазейку, каждую ее ошибку.

Я был горд собой. Я думал, что спас друга. А через месяц он повесился в этой самой квартире, на поводке той самой собаки. В предсмертной записке было всего три слова: «Без нее не могу». Потому что все, чего он хотел на самом деле, – это не справедливости. Он хотел ее вернуть. А я своими профессиональными действиями просто лишил его последней надежды.

С того дня я дал себе зарок: никогда больше не лезть в чужие спальни. Никаких разводов. Никаких дел, где право смешано с чувствами, а логика тонет в слезах и обидах. Это не моя территория. Это слишком грязно, слишком непредсказуемо, и цена ошибки – не деньги, а человеческие жизни.

А что у нее? Фитнес-тренер и организатор свадеб. Боже. Банальнее не придумаешь.

И все же... Что-то в ней было. Не в ее истории, а в ней самой. Ярость, которую она пыталась замаскировать под де-

ловой тон. То, как она выпрямила спину, когда я ей отказал. Она не сломалась. Она разозлилась. В ее глазах на секунду полыхнул такой огонь, что я невольно отметил про себя: характер есть.

Глупая, предсказуемая, но с характером. Она заставила меня вспомнить ту историю, которую я похоронил десять лет назад. И это взбесило меня больше всего. Она пришла и, сама того не зная, расковыряла старый шрам.

Я тряхнул головой, отгоняя лишние мысли. Хватит. Дело закрыто, так и не начавшись.

Я погрузился в работу, и к тому времени, как за окном стемнело, я почти убедил себя, что забыл и имя той женщины, и ее саму.

Вечером, сидя с бокалом виски в своей пустой, стерильной квартире, я бездумно листал ленту соцсети на планшете. В потоке чужих отпусков, умных мыслей и фотографий еды в разделе рекомендаций мелькнуло знакомое имя: Антон Шилов. Я нахмурился. Муж той женщины из моего кабинета. Какое совпадение.

Праздное любопытство взяло верх, и я нажал на его профиль.

Идеальный пресс, белозубая улыбка, мотивационные цитаты под каждым фото. «Никогда не сдавайся!», «Твое тело – твой храм». Вся страница кричала об успехе и самолюбовании. Типичный продукт эпохи, влюбленный в собственное отражение.

Я пролистнул несколько постов вниз. А вот и оно. Свежая фотография с какого-то мероприятия. Он, в идеальном костюме, обнимает за талию свою жену. Веронику Шилову. Она – с профессиональной, чуть усталой улыбкой организатора. Он – сияет самодовольством, как начищенный пятак.

Я увеличил фото, вглядываясь в ее лицо. И даже сквозь пиксели и фильтры я увидел то, чего, наверное, не замечал ее муж. Усталость в уголках глаз. Напряжение в улыбке. Она была на работе. Она дирижировала чужим праздником, в то время как ее собственный мир, вероятно, уже трещал по швам.

Я усмехнулся. И эта женщина, с огнем в глазах, семь лет жила с этим... экспонатом. Строила его карьеру, поддерживала его имидж. Странно. Очень странно.

Я отложил планшет. Скучное дело. Банальная история. Так почему она не выходит у меня из головы?

Глава 10

Ночь я провела в полузабытии на диване в гостиной. Сон не шел. Я то проваливалась в короткую, тревожную дрему, то снова просыпалась от малейшего шороха. Мне все время казалось, что я слышу его шаги в коридоре, скрип двери в спальню. Но квартира была пуста, и эта пустота давила на уши, была громче любого звука.

Утром я проснулась от резкой боли в шее и ощущения, будто меня всю ночь били палками. Я встала, подошла к окну. Город просыпался, спешил по своим делам, жил своей обычной жизнью, и ему не было никакого дела до моей личной катастрофы.

В зеркале на меня смотрело чужое, осунувшееся лицо с темными кругами под глазами.

Надо было отменять все дела. Звонить, врать про мигрень, про отравление, про внезапный конец света. Но я не могла. Сегодня у меня была назначена первая встреча с новыми клиентами. Пара, которая забронировала меня полгода назад. Отменить ее – значило поставить под удар свою репутацию. А терять ее из-за одного предателя совсем не хотелось.

Я надела на себя маску. Слой тонального крема, чтобы скрыть бледность. Яркая помада, чтобы отвлечь внимание от уставших глаз. Деловой костюм, жесткая ткань которого словно держала меня в корсете, не давая развалиться на ча-

сти.

Я посмотрела на себя в зеркало. Получилось неплохо. Снаружи – Вероника Шилова, успешный организатор. Внутри – несчастная женщина.

Встреча была назначена в уютном кафе в центре. Я пришла за пятнадцать минут, заказала черный кофе и разложила на столе планшет с портфолио.

Они вошли ровно в одиннадцать. Молодые, красивые, светящиеся от счастья. Он не сводил с нее обожающего взгляда, она постоянно смеялась, касаясь его руки. Они были точной копией сотен других пар, с которыми я работала. И от этого было еще больнее.

— Вероника, здравствуйте! Я – Катя, а это – Игорь, — девушка протянула мне руку. — Мы так счастливы, что именно вы будете заниматься нашей свадьбой! Мы видели ваши работы, это просто волшебство!

Я заставила себя улыбнуться.

— Здравствуйте. Очень приятно. Давайте обсудим, каким вы видите ваш день.

Следующий час превратился для меня в изощренную пытку. Они рассказывали историю своего знакомства, спорили о цвете салфеток и клялись друг другу в вечной любви прямо над моим ежедневником. Каждое их слово о «дове- рии», «верности» и «навсегда» было для меня как удар под дых. Я кивала, улыбалась, делала пометки, а сама чувствовала, как внутри все сжимается от невыносимой боли.

— Мы хотим, чтобы все было идеально, — сказала Катя, сжимая руку своего жениха. — Чтобы этот день стал настоящим началом нашей семьи.

Я смотрела на их счастливые лица, и меня накрыла такая волна отчаяния, что я едва не задохнулась. Моя семья «началась» семь лет назад. А позавчера ночью ее не стало.

—...поэтому мы составили предварительный список гостей, — вырвал меня из оцепенения голос Игоря. Он протянул мне флешку. — Тут около ста человек. Посмотрите, пожалуйста, на досуге, чтобы мы могли начать планировать рассадку.

— Да, конечно, — я взяла флешку, и ее острые пластиковые грани неприятно впились в ладонь.

Мы обсудили еще несколько деталей, и они ушли, оставив меня одну за столиком. Я допила остывший кофе и, прежде чем убрать ноутбук, решила из чисто профессионального любопытства взглянуть на список.

Я вставила флешку. Открыла файл «Гости». И начала механически просматривать имена. Ивановы, Петровы, Сидоровы... Обычные фамилии.

И вдруг мой взгляд зацепился за одну строчку. Буквы на мгновение расплылись, а потом снова сложились в два слова, от которых в груди что-то оборвалось.

Шилов Антон.

Я смотрела на имя своего мужа, и мир вокруг сузился до этого короткого сочетания букв. Что он делает в этом спис-

ке? Я не знала этих людей. Он никогда не упоминал ни Катю, ни Игоря.

Я прокрутила список до конца, но больше знакомых фамилий не было. Не было и ответа на вопрос, как он сюда попал. Но это было и неважно.

Важен был сам факт. Он будет на этой свадьбе. На свадьбе, которую организую я.

Меня накрыло ледяной волной. Я представила себе этот день. Я, с рацией и планшетом, бегаю между столами, слежу за таймингом, улыбаюсь гостям. А за одним из столиков сидит он. Возможно, не один.

Мне придется смотреть на него, здороваться, делать вид, что мы просто знакомые. Делать вид, что мое сердце не разрывается на части от его присутствия. Мне, профессионалу, придется срежиссировать идеальный праздник, частью которого будет мой личный, персональный ад.

Я закрыла ноутбук. Боль никуда не делась. Но к ней примешивалось что-то еще. Холодное, злое чувство несправедливости. Вселенная, очевидно, обладала очень черным чувством юмора. Она не просто наблюдала за моим падением, она решила подтолкнуть меня к самому краю.

Я сидела еще минут десять, глядя в окно на спешащих прохожих. Отказаться от проекта? Это первое, что пришло в голову. Соврать про болезнь, про семейные обстоятельства. Спрятаться. Забиться в угол и ждать, пока буря пройдет.

Но потом я представила себе их свадьбу, которую органи-

зует кто-то другой. А я буду сидеть дома, на диване, и листать фотографии в соцсетях, на которых он будет счастливо улыбаться. Возможно, с ней. И я пойму, что сбежала. Что позволила ему выгнать меня не только из нашей общей жизни, но и из моей собственной, профессиональной.

Нет.

Я резко встала, бросив на стол несколько купюр. Хватит. Хватит быть жертвой обстоятельств, над которой потешается судьба.

Я проведу эту свадьбу. И это будет лучшее мероприятие, которое я когда-либо организовывала. Все будет настолько безупречно, что у него сведет скулы от фальшивой улыбки. Он увидит меня. Не сломленную, не заплаканную, а идеального дирижера чужого счастья. И поймет, что он потерял.

Глава 11

Я не строила планов и не думала о мести. Я просто сидела на диване и смотрела в одну точку, пытаюсь осознать, что моя прежняя жизнь закончилась. Окончательно. Желания плакать уже не было.

Боль никуда не делась, но она перестала быть главной. На ее место пришло холодное, трезвое понимание: нужно что-то делать. Просто чтобы не сойти с ума.

Я заставила себя сесть за ноутбук. Открыла папку с названием «Свадьба Кати и Игоря». Просмотрела сметы, контакты подрядчиков, мудборды. Обычная рабочая рутина. Я погрузилась в нее с головой, как в спасительную прохладную воду. Звонки, письма, правки в бюджете – все это было знакомым, понятным и, что самое главное, зависело только от меня.

На несколько часов мне почти удалось забыться. Я была не брошенной женой, а Вероникой Шиловой, специалистом, решающим чужие проблемы. Я договаривалась о скидке на цветы, утверждала меню, сверяла тайминг.

В разгар очередного звонка с фотографом в дверь позвонили. Я бросила в домофон короткое: «Кто?», ожидая услышать курьера или соседского ребенка, который опять потерял ключи.

— Ника, это я. Открой.

Голос Антона. Сердце сделало кульбит, но я заставила себя не подавать виду.

— Я занята, — холодно бросила я в трубку.

— Пожалуйста. Это на пять минут. Это важно.

Я отключила домофон и несколько секунд стояла неподвижно. Что ему еще нужно? Но любопытство и какая-то злая необходимость снова посмотреть ему в глаза. Я открыла дверь.

На пороге стоял он. В модной спортивной одежде, с идеальной укладкой. Он пришел не просить прощения. Он пришел по делам.

— Что тебе нужно? — спросила я, преграждая ему дорогу в квартиру.

— Ник, не злись, — он попытался улыбнуться своей фирменной обезоруживающей улыбкой. — Мне помощь твоя нужна. Профессиональная.

Я молча смотрела на него, ожидая продолжения этого бреда.

— Понимаешь, подписчики... они волнуются. Спрашивают, где ты, почему нет совместных фото. Рекламодатели тоже... намекают. У меня в контрактах прописаны семейные ценности, сама знаешь.

Он говорил об этом так, будто обсуждал прогноз погоды.

— И? — выдавила я.

— И мне нужно несколько новых фото. С тобой. Буквально пара селфи. Сделаем вид, что мы завтракаем вместе, или

кино смотрим. Ну, как обычно. Я выложу, и все успокоятся. А мы потом спокойно решим наши вопросы. Это просто... для имиджа.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. После всего, что произошло, он пришел просить меня поучаствовать во лжи ради его имиджа. Внутри что-то оборвалось окончательно. Но вместо ярости я почувствовала странное, холодное спокойствие.

Я сделала шаг в сторону, пропуская его в прихожую.

— Проходи, обсудим.

Он с облегчением вошел, уверенный, что дело в шляпе.

— Вот и отлично! Я знал, что ты все поймешь!

Я закрыла дверь и повернулась к нему. Я не стала скрещивать руки на груди или принимать воинственную позу. Я просто смотрела на него. Спокойно, изучающе, как на незнакомого человека.

— Антон, ты себя слышишь? — спросила я тихо.

Он растерянно моргнул.

— В смысле?

— В прямом. Ты предлагаешь мне лгать твоим подписчикам так же, как ты лгал мне? Помогать тебе строить образ идеальной семьи, которой больше не существует? — я позволила себе легкую, почти незаметную усмешку. — Это даже не цинично. Это... наивно.

Его лицо начало медленно багроветь.

— Почему наивно? Это просто бизнес! Имидж! Ты же са-

ма всегда говорила, как это важно!

— Да. Говорила. И семь лет я работала на твой имидж. Бесплатно. По любви. — Я сделала шаг к нему. — Но любовь закончилась. А вместе с ней — и моя помощь. Наш общий «имидж» умер в тот момент, когда ты решил развлечься с другой женщиной. Я думала, ты это понял.

Он смотрел на меня, и в его глазах появилось недоумение. Он не понимал, как реагировать. Мое спокойствие сбивало его с толку куда больше, чем крики или слезы.

— Так ты поможешь или нет? — спросил он, уже не так уверенно.

— Нет, — просто ответила я.

— Но... почему? Я же...

— Потому что это твоя проблема, Антон. А я больше не решаю твои проблемы. Тебе придется научиться справляться с ними самому. Можешь, например, начать с того, чтобы быть честным. Со своей аудиторией, со спонсорами. И, в первую очередь, с самим собой. Хотя последнее, боюсь, для тебя будет самым сложным.

Я подошла к двери и открыла ее.

— Ты... ты просто так меня выгоняешь? — в его голосе прозвучала детская обида.

— Я не выгоняю. Я просто указываю тебе на дверь. У тебя ведь был какой-то план, как выкрутиться из этой ситуации? Вот и иди, реализовывай его. Без меня.

Он молча смотрел на меня, и я видела, как в его голове не

укладывается новая реальность.

— Удачи с твоим брендом, Антон, — сказала я на прощание. — Она тебе понадобится.

Я не стала хлопать дверью. Я просто тихо ее закрыла, отсекая его от своей новой жизни. И, прислонившись к ней, я не почувствовала ни злости, ни триумфа. Только ледяное спокойствие.

Надеюсь, теперь он успокоится и оставит меня в покое..

Глава 12

Надежда, как оказалось, – довольно глупое чувство. Она жила ровно до следующего утра.

Я проснулась с ощущением почти забытого покоя. Впервые за несколько дней я спала без снов, свернувшись на диване.

Дом, хоть и пустой, больше не казался враждебным. Он был просто моим.

Я сварила себе кофе, машинально поставив на стол две чашки, и этот простой жест отозвался странной, пронзительной болью. Я включила музыку, тихий джаз, который обычно слушал он, и села за ноутбук с твердым намерением посвятить день исключительно работе.

Нужно было занять руки и голову, чтобы не дать мыслям снова пойти по кругу.

И в этот момент мой телефон, лежавший на столе, зажужжал, как рассерженная оса. Раз, другой, третий. Сообщения в мессенджере посыпались одно за другим от знакомых и не очень знакомых людей.

Я удивленно взяла его в руки. На экране горели превью, полные смайликов и восклицательных знаков.

«Ника, какое милое фото! Счастья вам!»

«Утренняя идиллия! Так за вас рада!»

«Ника, так и знала, что у вас все хорошо! Вы идеальная

пара!»

Я ничего не понимала. О каком фото идет речь? Мои друзья и знакомые не знали о нашей ссоре. Сердце неприятно екнуло. Я вышла из сообщения и открыла фото, на которое ссылались комментирующие. И увидела.

Антон выложил новый пост. Фотография была выложена сегодня утром. На ней – чашка кофе и тарелка с идеально приготовленным завтраком на фоне окна. Окна нашей кухни.

Все было снято в его фирменном стиле – красиво, уютно, идеально. Свет падал так, чтобы подчеркнуть румяную корочку тоста, ягоды казались драгоценными камнями, рассыпанными по тарелке.

Но ужасным было не само фото. Ужасной была подпись под ним.

«Нет ничего лучше домашнего завтрака, приготовленного с любовью. Спасибо, любимая @ВероникаШилова, за это идеальное утро. Наша семья – моя главная сила».

Я читала эти строчки, и у меня перед глазами потемнело. Он сделал это. Он нагло, цинично соврал тысячам людей, что мы все еще вместе. Что я готовлю ему завтраки. Что у нас все идеально.

Он создал фальшивую реальность, в которой он по-прежнему счастливый семьянин, а я – любящая жена.

Я нашла в контактах его новый номер. Пальцы сами нажали на кнопку вызова. Он ответил почти сразу, будто ждал.

— Да, Ника.

Голос был спокойным. Даже усталым. Как будто это я отвлекала его от важных дел.

— Антон, я надеюсь, у тебя есть очень хорошее объяснение тому, что сейчас происходит в твоих соцсетях, — произнесла я ледяным тоном.

— Ника, не начинай, — вздохнул он. — Это просто пост. Работа.

— Работа? — я невольно повысила голос. — Ты выставляешь фото из нашего дома, врешь, что я готовлю тебе завтраки, и называешь это работой? Ты хоть понимаешь, какой бред ты несешь?

— А что мне делать? — в его голосе появилось раздражение. — Мне нужно зарабатывать деньги. Или ты забыла, что я ушел из нашей общей квартиры по твоей просьбе? Я оставил тебе все. Мне нужно где-то жить, платить за аренду. Мои контракты, мой доход — все завязано на имидже счастливого семьянина. Ты сама это выстраивала. Так что да, Ника. Это работа. Работа, чтобы выжить после того, как ты выставила меня за дверь.

Я молчала. Воздуха не хватало. Он сделал это. Он не просто перевернул все для подписчиков. Он перевернул все для нас.

Теперь я была виновата не только в том, что не хочу его прощать. Я была виновата в том, что ему приходится врать, чтобы заработать себе на жизнь.

Он мастерски сместил фокус, превратив себя из предателя в жертву обстоятельств. Моих обстоятельств. Он заставил меня почувствовать себя виноватой в его подлости.

— Я понял, ты молчишь, — продолжил он, уже более мягко, видимо, решив, что его аргументы сработали. — Послушай, это временно. Просто чтобы от меня отстали рекламодатели. Мы же цивилизованные люди. Давай не будем мешать друг другу жить и работать.

Я нажала на кнопку отбоя. Просто не могла больше слышать его голос, его спокойную, циничную логику.

Я сидела и смотрела на экран телефона, на этот идеальный завтрак, которого не было. Он играет грязно. Он использует те инструменты, которые я же ему и дала – понимание, как работает медийное поле. Он не оставил мне личного пространства, он втянул меня в публичную игру на своих условиях.

Первая мысль, обжигающая и яростная, была – немедленно написать ответный пост. Рассказать всем правду. Выложить скриншот его переписки с Кристиной. Написать капслоком:

«СЕМЬИ БОЛЬШЕ НЕТ! ОН ПРЕДАТЕЛЬ!».

Чтобы все увидели, какой он на самом деле, когда выключается камера.

Но потом включился профессионал. Что будет дальше?
Грязная публичная разборка.

Он тут же выставит меня ревнивой истеричкой. Его армия

восторженных подписчиц набросится на меня, как стая гien, защищая своего идеального кумира. Это ударит по моей репутации.

Мои клиенты – люди, которые платят за безупречность и спокойствие, а не за скандалы. Я годами выстраивала свой имидж, и сейчас могла разрушить его одним эмоциональным постом.

Я оказалась в ловушке. Молчать – значит позволять ему врать. Говорить – значит опуститься до его уровня и рисковать всем.

Что же выбрать?

Глава 13

Дни, последовавшие за постом Антона, превратились в туман. Я работала. Это было единственное спасение.

Я погружалась в сметы, тайминги и переговоры с подрядчиками, как в спасительную ледяную воду, которая не давала голове взорваться от мыслей.

Я научилась не заходить на его страницу, игнорировать сообщения от любопытствующих знакомых и делать вид, что ничего не происходит.

Он, в свою очередь, воспринял мое молчание как зеленый свет. Через пару дней появился новый пост.

На фото была моя рука с обручальным кольцом, держащая его за руку. Снимок был сделан в машине. Подпись:

«Главное – держаться вместе, что бы ни случилось».

Я узнала это фото. Я сделала его два года назад, когда мы ехали в наш первый совместный отпуск. Он просто обрезал его и выложил как свежее.

Еще через неделю он опубликовал коллаж: он с букетом цветов, и я, смеющаяся, – вырезанная из совершенно другой фотографии.

«Лучший способ сказать "люблю"», — гласила подпись.

Я смотрела на эти фальшивки, и меня накрывало ледяное омерзение. Он не просто врал. Он конструировал реальность, лепил из кусочков нашего прошлого новую, удобную

для него картинку.

И я молчала. Я ждала.

Я не знала, чего именно, но понимала, что любой мой резкий шаг лишь подыграет ему. Я позволяла ему строить этот карточный домик, инстинктивно чувствуя, что чем выше он будет, тем громче рухнет.

Все это время подготовка к свадьбе Кати и Игоря шла полным ходом. Этот проект стал моим убежищем.

Я с головой ушла в детали: выбирала оттенок лент для бонбоньерок, составляла музыкальный плейлист, до хрипоты спорила с декораторами о высоте цветочных композиций.

Я была в своей стихии, в мире, где все подчинялось логике и четкому плану.

Имя «Антон Шилов» в плане рассадки гостей больше не вызывало у меня паники. Оно превратилось в одну из сотен задач, которые нужно было решить.

Я посадила его за столик подальше от сцены и от проходов, где мне предстояло постоянно ходить.

Я относилась к нему не как к бывшему мужу, а как к потенциальной проблеме, которую нужно заранее локализовать.

День свадьбы наступил неожиданно быстро. Я была на площадке с шести утра, натянутая, как струна. Все шло безупречно.

Флористы приехали вовремя, музыканты настроили инструменты, официанты летали по залу. Я дирижировала

этим сложным организмом, и у меня получалось.

Я увидела его случайно, бросив взгляд на один из столиков у сцены. Антон. В идеальном смокинге, с бокалом шампанского в руке. Он сидел за столиком, где сидели друзья жениха, очевидно, из его делового круга. Конечно. Он же теперь вращался в этих кругах.

Сердце сделало болезненный кульбит, но я не позволила себе отвести взгляд. Я просто кивнула ему – вежливый, холодный жест, который ничего не значил. Он ответил мне таким же кивком, но в его глазах я прочитала целую бурю эмоций.

Я заставила себя отвернуться и сосредоточиться на работе.

«Он просто гость, — повторяла я себе. — Он – часть интерьера».

Вечер шел своим чередом. Гости веселились, программа шла по таймингу, молодожены были счастливы. Я уже почти расслабилась, решив, что он не предпримет никаких действий на чужом празднике.

Настало время для тостов от гостей. Ведущий, которого я же и наняла, бодро приглашал желающих к микрофону.

И в этот момент Антон встал из-за своего стола и уверенным шагом направился к сцене. Я замерла, глядя на него во все глаза.

Что он задумал?

Он поднялся по ступенькам, взял у ведущего микрофон и

с обаятельной улыбкой повернулся к залу.

— Игорь, Катя, — начал он своим бархатным, поставленным голосом, который так любили его подписчики. — Я смотрю на вас, таких счастливых, и вспоминаю себя семь лет назад. И знаете, что я хочу вам сказать? Любовь – это не только такие вот прекрасные моменты. Любовь – это работа. Ежедневная, иногда сложная, но самая благодарная работа в мире.

Зал сочувственно загудел, женщины закивали.

— Я хочу пожелать вам пронести это чувство через годы, — он сделал паузу и нашел меня взглядом в толпе. Сотни голов повернулись в мою сторону. Я стояла, как под прицелом. — Я хочу пожелать вам такой же любви, как у нас с моей женой. Любви, которая способна все понять и все простить. И, глядя на нее сейчас, на мою прекрасную Веронику, я хочу сказать это при всех вас.

Его голос дрогнул, наполнившись идеально сыгранной нежностью.

— Ника, я люблю тебя. Больше всего на свете.

В зале повисла оглушительная тишина, а потом раздались оглушительные аплодисменты. Раздались восторженные женские вздохи. Это был триумф. Его триумф.

Он не извинялся. Он не просил прощения. Он просто поставил наш «идеальный» брак в пример, выставив меня частью своего спектакля о вечной любви. Он обезоружил меня, не оставив ни единого шанса на ответ.

Я стояла под сотнями умиленных взглядов, чувствуя, как щеки заливают краска унижения.

Я смотрела на него, стоящего на сцене в лучах софитов, на его красивое, одухотворенное лицо. И не чувствовала ничего, кроме ледяной, всепоглощающей ненависти.

И тогда я сделала единственное, что могла.

Я молча смотрела ему в глаза еще секунду. Потом медленно, демонстративно покачала головой. Развернулась. И, не говоря ни слова, пошла к выходу из зала.

Я шла, не ускоряя шаг, с идеально прямой спиной, слыша, как за моей спиной аплодисменты затихают и нарастает недоуменный гул.

Я достала из кармана рацию и, уже выходя в холл, произнесла в нее своим обычным, рабочим тоном:

— Лиза, через пять минут – вынос торта.

Глава 14

Я вышла из сияющего холла банкетного зала в прохладную ночную темноту. Городской шум, приглушенный стенами здания, теперь навалился со всех сторон. Я сделала несколько шагов и остановилась, прислонившись к холодной колонне.

Ноги не держали. Адреналин, который помог мне с достоинством и прямой спиной пересечь зал, отпустил, и на его место пришла оглушающая, ватная слабость. Я стояла, глядя на проезжающие мимо машины, и чувствовала, как рушится моя последняя защита.

Спектакль окончен. Роль сильной, безупречной женщины, которая выше всего этого, доиграна. Занавес. И теперь я осталась одна, наедине с собственным унижением, которое липкой пленкой покрывало кожу.

Он сделал это. Он использовал чужой праздник, чужое счастье, чтобы снова выставить меня бессердечной стервой, а себя – страдающим романтиком. И все ему поверили. Я видела это в их глазах, в их сочувствующих вздохах, в их аплодисментах. В их мире он был героем. А я – злодейкой.

Внутри все сжалось от острой, режущей боли. Слезы, которые я так старательно сдерживала последние дни, подступили к горлу горячим комом, мешая дышать.

Ехать домой не было сил. Я не могла вернуться в пустую

квартиру, где каждый угол напоминал о нем. Я просто пошла вперед, куда глаза глядят, прочь от огней, от музыки, от этого фальшивого праздника.

Через пару кварталов я наткнулась на небольшую, неприглядную вывеску: «Тихий бар». Идеально. Я нырнула внутрь, в спасительный полумрак. Внутри было почти пусто: пара человек за стойкой и мужчина, в одиночестве сидевший за столиком в дальнем углу. Я прошла в самый темный угол, села за столик и, даже не глядя в меню, заказала у подошедшего официанта бокал красного вина.

Когда принесли бокал, я сделала большой, обжигающий глоток. Терпкое вино ударило в голову, но не принесло облегчения. Наоборот, оно сломало последнюю плотину.

И я заплакала.

Беззвучно, без всхлипов, просто позволяя слезам катиться по щекам. Они текли, смешиваясь с остатками макияжа, капали на стол, на руки, на бокал. Я не пыталась их вытирать. Это было бесполезно. Я смотрела на расплывающиеся огни за окном и оплакивала не только свой разрушенный брак. Я оплакивала свое растоптанное достоинство, свою наивность, свою веру в то, что правда и честность хоть что-то значат.

— С вами все в порядке?

Низкий, спокойный голос раздался так неожиданно, что я вздрогнула. Я подняла голову. Передо мной стоял мужчина. Видимо тот самый, что сидел в углу. В полумраке бара я не могла толком разглядеть его лицо, только темный силуэт в

строгом костюме.

— Все отлично, — прохрипела я, пытаюсь смахнуть слезы. Получилось только размазать их по лицу.

Он молча, без приглашения, сел на стул напротив.

— Похоже на то, — в его голосе не было ни жалости, ни любопытства. Только сухая констатация факта. Он подозвал официанта. — Два бокала красного. И воды.

Мы сидели в тишине, пока не принесли напитки. Он пододвинул один бокал ко мне.

— Спасибо, не стоило, — выдавила я, чувствуя себя еще более неловко.

— Стоило, — коротко ответил он. — Иногда чужое вино помогает лучше, чем свое.

Я посмотрела на него сквозь пелену слез. Что-то в его лице, в жесткой линии подбородка, в холодном спокойствии глаз показалось мне смутно знакомым.

— Мы знакомы? — спросила я.

Он чуть заметно усмехнулся.

— Шапочно. Вы как-то заходили ко мне в офис. Хотели разводиться.

И тут я его узнала. Андрей Крылов. Тот самый адвокат, который назвал мое дело скучным и выставил за дверь. От осознания этой иронии мне стало еще хуже. Из всех людей в этом огромном городе я умудрилась разреветься именно перед ним.

— Боже, — прошептала я, закрывая лицо руками. —

Только не вы.

— Я тоже не в восторге, — спокойно заметил он, делая глоток. — Но, кажется, у вас действительно проблемы. И они, похоже, вышли за рамки «скучного дела».

Я ничего не ответила, просто смотрела в стол. Что я могла ему сказать? Рассказать, как мой бывший муж только что унизил меня перед сотней людей?

— Он загнал меня в угол, — вырвалось у меня против воли.

— Обычно так и делают, — кивнул он. — Это их стандартный прием. Заставить вас либо молчать, либо выглядеть истеричкой.

Он говорил так, будто читал лекцию. Отстраненно и по делу. И эта его отстраненность, как ни странно, успокаивала. Он не жалел меня. Он просто анализировал.

— Что мне делать? — спросила я шепотом, сама не зная, почему спрашиваю именно его.

— Сейчас? Ничего, — он поставил бокал. — Просто допейте свое вино. И идите домой спать. Любые решения, принятые в таком состоянии, будут ошибочными.

Мы еще немного посидели в тишине. Я допила вино, и алкоголь вместе с его неожиданным спокойствием немного притупил боль.

— Спасибо, — сказала я, поднимаясь. Голова немного кружилась. — За вино. И за... совет.

— Не за что, — он тоже встал, оставив на столе несколько

крупных купюр.

Я сделала шаг и пошатнулась. Комната качнулась, и я инстинктивно выставила руку, чтобы опереться на стол, но промахнулась. Он рефлекторно подхватил меня под локоть, не давая упасть. Его рука была сильной и теплой.

— Осторожнее.

Я на секунду оперлась на него, чувствуя плотную ткань его пиджака. Это было простое, человеческое прикосновение. Поддержка. Ничего больше. Но от этого короткого контакта по телу пробежала странная дрожь.

— Я в порядке, — я выпрямилась, отстраняясь. — Спасибо. Еще раз.

Я развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь.

---

*Дорогие мои читатели, очень хочу вам порекомендовать свою книгу, в которую сама влюблена:
 Развод со вкусом
 <https://litnet.com/shrt/2moh>*

Книга о любви, предательстве, вкусной еде и большой мечте. Обещаю, вам понравится ##

Глава 15

Ночь не принесла забвения. Я так и не легла спать, просидев до рассвета в кресле у окна и глядя на спящий город. От редких машин прочерчивали на мокром асфальте длинные, расплывчатые полосы, похожие на кровоточащие раны. Тишина в квартире была абсолютной, оглушающей, и в этой тишине я снова и снова прокручивала в голове события прошлого вечера...

Я села. Совет циничного адвоката, как ни странно, оказался единственным, что имело смысл. Не делать резких движений. Не принимать решений на эмоциях.

Когда за окном стало совсем светло, я встала и, как луна-тик, побрела на кухню. Голова была тяжелой, гудела от усталости и вчерашнего вина.

Завтракать я не хотела, аппетита совсем не было. Но нужно было просто что-то делать.

Я механически вымыла свою вчерашнюю чашку, хотя она была чистой. Протерла идеально глянцевую столешницу, стирая несуществующие пятна. Переставила баночки со специями в алфавитном порядке.

Я наводила порядок во внешнем мире, потому что в моем внутреннем мире царил хаос, и я отчаянно пыталась взять под контроль хоть что-нибудь.

Я посмотрела на себя в отражении дверцы микроволнов-

ки. Бледное, осунувшееся лицо, глаза с красными прожилками. Выглядела я, конечно, ужасно. Как героиня дешевой драмы..

Нужно было работать. Работа – это структура, логика, то, что всегда меня спасало. Я открыла ноутбук, но сконцентрироваться не получалось. Курсор мигал на пустой странице нового документа, и эта пульсация отдавалась в висках.

Я смотрела на экран, готовая с головой уйти в дела, но не находила в себе сил даже открыть нужный файл. Мысли разбегались, возвращаясь к одному и тому же.

В этот момент зазвонил телефон. На экране высветилось имя клиентки, для которой я готовила большой юбилей в следующем месяце. Алина Беликова, жена нефтяного магната. Сложный, но очень статусный проект.

Я мысленно надела свою профессиональную маску, сделала глубокий вдох и ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно.

— Алина, доброе утро!

— Вероника... здравствуйте, — голос на том конце провода был напряженным и неестественно вежливым, как у человека, который собирается сообщить плохие новости. — Простите за беспокойство. Я... я звоню, чтобы сообщить, что мы вынуждены отказаться от ваших услуг.

Я замерла, сжимая в руке телефон.

— Что-то случилось? Вас не устроили последние правки по программе? Мы можем все обсудить и...

— Нет-нет, что вы... — она замялась, и я услышала, как она нервно вздохнула. — Дело не в этом. Просто... изменились обстоятельства. Мы решили... сделать все скромнее. Да. В семейном кругу. Простите еще раз.

Она быстро повесила трубку, не дав мне задать ни одного вопроса. Я смотрела на телефон в полном недоумении. Отказаться от проекта за месяц до даты, потеряв огромный задаток?

Сделать «скромнее» мероприятие, на которое уже были приглашены министры? Что за «обстоятельства»? Это было абсолютно не в стиле Алины, которую я хоть немного, но знала.

Не успела я обдумать этот странный звонок, как телефон зазвонил снова. На этот раз – руководитель ивент-отдела крупного банка, наш постоянный партнер, с которым мы работали уже лет пять.

— Ника, привет. Слушай, тут такое дело... — его голос звучал виновато и торопливо. — Помнишь, мы обсуждали новогодний корпоратив? В общем, руководство решило в этом году привлечь другое агентство.

— Что? — я растерянно моргнула. Я сидела в том же кресле, но пол под ногами начал медленно уходить в сторону. — Паша, мы же уже согласовали концепцию! Я внесла предоплату артистам!

— Я знаю, — в его голосе звучали виноватые нотки. — Я все понимаю. Мы компенсируем неустойку, не переживай.

Но ты же понимаешь... репутация банка... мы не можем позволить себе никаких... ассоциаций. В общем, извини. Решение не мое. Мне сверху спустили.

Ассоциаций? Каких ассоциаций? Что, черт возьми, происходит?

В голове нарастал неприятный гул. Что-то происходило за моей спиной, что-то, чего я не понимала.

Телефон в руке снова завибрировал. На этот раз сообщение от Кати, невесты, чью свадьбу я провела вчера. Сердце ухнуло куда-то вниз. Я открыла сообщение, и буквы на мгновение расплылись.

«Ника, я не знаю, что там у вас с мужем произошло, и не хочу лезть. Но наш медовый месяц испорчен звонками журналистов. Спасибо за "идеальный" праздник».

Я смотрела на эти слова, и голова пошла кругом. Я ничего не понимала. Мой мозг, привыкший к логике и анализу, отказывался складывать эти события в единую картину. Два отмененных крупных контракта. Злое сообщение от клиентки, которая еще вчера благодарила меня со слезами на глазах. Все это за одно утро.

Это не могло быть совпадением. Что-то произошло. Что-то, чего я не знала. Что-то, что за одну ночь разрушило мою репутацию, которую я выстраивала годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.